

—
Составители
М. Лекке, Е. Чхаидзе

РОССИЯ После империи СБОРНИК СТАТЕЙ

библиотека
журнала

неприкосновенный
запас

Сборник статей
Россия–Грузия после
империи (сборник)
Серия «Библиотека журнала
«Неприкосновенный запас»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36276773

*Россия–Грузия после империи (сборник): Новое литературное
обозрение; Москва; 2018
ISBN 978-5-4448-1013-2*

Аннотация

В сборник статей «Россия – Грузия после империи» вошли научные, литературные, публицистические материалы и интервью культурологов и литературоведов из разных стран (Великобритания, Германия, Грузия, Польша, Россия, США), а также наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений. В исследованиях кажущейся знакомой темы «Россия – Грузия» главной задачей являлось выделить в рамках междисциплинарного и международного диалога новые темы и ракурсы моделирования новой реальности указанного литературно-культурного поля. Именно литература представила собой весьма полезный материал, позволивший

заглянуть за кулисы геополитических нарративов, так как политически значимые мыслительные категории являются неразрывно связанными как с литературными образами России и Грузии, так и с русско-грузинским мифом. Если в советскую эпоху русско-грузинский миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотношений двух народов, то начиная со второй половины 1980-х годов именно этот миф стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

Содержание

Россия – Грузия после империи	5
Переплетение судеб и нарративов	9
Литературные связи и развязки	16
Языковая политика. Переводная	23
и транснациональная литература	
Библиография	34
Часть 1. Литература, язык, знание	38
Русско-грузинские литературные связи	38
и наука о них в социальном контексте	
Советский период	39
Центр и периферия	39
Культ классиков	46
Переводы	50
Литературоведение: кадры, темы	52
и методы	
Постсоветский период	56
Новые векторы развития в период	56
национальной независимости	
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Россия – Грузия после империи Сборник статей

Россия – Грузия после империи

Мирья Лекке, Елена Чхаидзе

Постсоветский период истории неоднократно был объявлен оконченным. В речах политиков и в дискуссиях интеллектуалов тезис о завершенности все чаще стал звучать лишь как констатация факта (Ф. Лукьянов, Н. Гвоздев, К. Кобрин и др.). Вместе с тем конец постсоветского периода означает завершение важного исторического отрезка, полного глубоких политических и культурных трансформаций, затронувших ни много ни мало «одну шестую часть суши». В результате этих трансформаций, с одной стороны, поистине необозримое количество этнических, национальных и религиозных групп столкнулось с необходимостью по-новому определить свою политическую ориентацию между старыми и новыми национальными движениями и гегемонией постсоветской России. С другой стороны, государства, возникшие на обломках СССР, должны были не просто выработать новую систему взаимоотношений, но и обозначить свое отношение к общей (советской) истории. Проблема отношений с Росси-

ей приобрела ключевое значение, выдвинув на повестку дня вопрос о том, в какой мере можно говорить о Советском Союзе как о государстве, в котором сохранялось господствующее положение русских. Помимо политической составляющей, сам по себе этот вопрос представляет благодатную тему для культурных исследований и рефлексий, поскольку он не только открывает перед нами диапазон возможных интерпретаций того, что именно воспринимается как русское, но и включает в себя элемент «дописывания» и конструирования новых значений.

Россия и Грузия – тема, кажущаяся на первый взгляд хорошо понятной и знакомой. Две страны – маленькая и большая, связанные друг с другом единой верой, культурным обменом и избитым клише о «дружбе народов»; и вместе с тем – две страны, разделенные опытом имперского гнета, национального обособления и вооруженными конфликтами¹.

Эти плотно связанные нарративы образуют систему смыслов, которая с годами осела в культурной памяти и приобрела определенную эмоциональность. В результате эта система не нуждается в дальнейшем обосновании в дискурсе. Именно это мы назовем *русско-грузинским мифом*.

Если в советскую эпоху русско-грузинский миф способствовал почти ритуальному изучению истории взаимоотно-

¹ Подробный анализ составляющих этого дискурса и его изменений в эпоху Сталина можно найти в книге: (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015).

шений двух народов (что не в последнюю очередь включало в себя изучение литературной составляющей этого диалога), то начиная со второй половины 1980-х гг. именно этот миф стал своего рода фундаментом для политического, военного, а также, как тогда казалось, и культурного размежевания некогда «братских республик».

После ухода Советского Союза в прошлое его тень продолжала нависать над государствами и обществами «постсоветского пространства». Интеллигенция, в том числе и писатели, вновь и вновь стала возвращаться к теме советского наследия, пытаясь с помощью языковых и эстетических средств литературы осмыслить то, что происходило в советскую эпоху, и к чему она привела, а также к чему могла бы привести. Исследователи культуры и литературы относительно недавно, в отличие от писателей, стали обращать повышенное внимание на культурную продукцию последнего 25-летия и вместе с тем начали рассматривать предыдущие периоды истории культуры с точки зрения новой постсоветской исторической ситуации. Данная книга является попыткой осветить и проанализировать этот относительно новый опыт, основываясь прежде всего на литературном материале. В книгу вошла часть работ, представленных на международной научной конференции «Россия и Грузия после империи. Культурно-литературные аспекты», проводившейся в сентябре 2015 г. в Тбилиси при поддержке научного фонда «Volkswagen Stiftung». Кроме того, сборник включает в себя

научные, литературные, публицистические материалы и интервью, представляющие разные точки зрения участников и наблюдателей постсоветских трансформаций русско-грузинских отношений.

Переплетение судеб и нарративов

Россия и Грузия после империи. Возможно, это заглавие изначально наводит на мысль о том, что **речь пойдет о двух самостоятельных единицах и их отношениях между собой. Однако это не так.** Безусловно, Грузия и Российская Федерация являются субъектами международного права, однако уже здесь мы сталкиваемся с определенными проблемами, например с вопросом о политическом статусе Абхазии и Южной Осетии. Россия поддерживает их стремление к независимости от Грузии, признает их суверенитет, вплоть до нахождения на территориях российских войск (Jones, 2013, 239–245). Грузия, в свою очередь, пытается сохранить собственную территориальную целостность. В действиях России она усматривает политические манипуляции с целью сохранения сферы влияния. Эти острые разногласия обернулись дестабилизацией региона, включая военные действия.

Для анализа культурной и литературной коммуникации, для понимания идентичности населения обеих стран, а также для оценки их взаимоотношений важно понимать, что обе национальные общности – российская и грузинская – являются дискурсивными конструктами: обе эти общности включают в себя различные этносы, в них говорят на разных языках, в их состав входят политически значимые

национальные меньшинства с особой культурной идентичностью и исторической памятью. В отношении России весьма распространенным является мнение, согласно которому национальный дискурс в этой стране нельзя отделить от имперского, в связи с чем исследователи иногда приходят к выводу об отсутствии в России национальной консолидации как таковой (ср., например: Hosking, 1997; Суни, 2011). Этот «дефицит», в свою очередь, нередко служит объяснением многих проблем во взаимоотношениях между Россией и ее «ближним зарубежьем», которое в понимании многих россиян собственно зарубежьем и не является. По отношению к Грузии приходится говорить о совсем ином положении вещей, которое, однако, уже в имперский период таило в себе не менее сложные проблемы. Если в Георгиевском трактате 1783 г. домодерное Грузинское царство фигурировало как партнер и союзник России, то уже в 1801 г., вопреки зафиксированным в этом документе гарантиям автономии, Грузия превратилась лишь в одну из многочисленных провинций Российской империи (Suni, 1988, 58–59). При этом важно отметить, что инкорпорация Грузии в империю Романовых завершилась еще до того, как в период романтизма грузинская национальная общность с определенной территорией, языком, культурой и «народом» обрела свои очертания. Формирование грузинской нации во второй половине XIX в. происходило именно в режиме постоянного сопротивления религиозной и языковой политике Петербур-

га. Однако на протяжении всего имперского периода грузинское нациестроение в не меньшей степени ориентировалось и на приписываемые со стороны имперского центра позитивные экзотические черты Грузии (Reisner, 2007, 66–67). При этом следует отметить, что по сравнению с другими народами Кавказа грузины перенесли бремя российской колонизации относительно безболезненно, – стоит лишь вспомнить о массовых депортациях и жестоких расправах, имевших место, к примеру, на Северном Кавказе.

В период с 1918 по 1921 г. Грузия представляла собой независимую республику, в которой различные авангардистские течения в литературе и изобразительном искусстве повлекли за собой настоящий расцвет грузинской культуры. Однако этап государственной независимости оказался весьма скоротечным – его финалом стала оккупация страны отрядами Красной армии и последующее вхождение Грузии в состав Советского Союза. В то время как грузины Сталин и Берия все выше поднимались по ступеням партийной иерархии, в самой Грузии было жестоко подавлено антибольшевистское восстание 1924 г. Данный период играет важнейшую роль в историческом сознании грузинской нации, однако вплоть до 1991 г. на любые упоминания об этой эпохе было наложено табу, которое, словно черная дыра, поглощало воспоминания о целом десятилетии грузинской истории. Тем не менее важные фазы «производства» грузинской национальной культуры приходится и на раннесовет-

ский период с его политикой «коренизации», которая, хотя и имела конъюнктурный характер (т. е. была направлена прежде всего на сохранение советского строя в республиках), в то же время способствовала развитию национальных культур (Martin, 2001; Jones, 2013, 8–9, 15–17). Наряду с другими советскими республиками Грузия также столкнулась с противоречивой и непостоянной национальной политикой большевиков со всеми присущими ей клише и нормативными представлениями. Если в самом начале советской эпохи вопрос национальной принадлежности был прежде всего вопросом индивидуального выбора (например, я буду для советской власти абхазом, если назовусь таковым), то с началом сталинского периода национальность все сильнее определяется псевдообъективными плоскими критериями – такими, как язык и происхождение (Slezkine, 1994; Martin, 2001). Поскольку советская национальная политика постоянно колебалась между практиками, направленными на эмансипацию (определенных народов и в определенное время) и колонизацию (которая в отношении отдельных групп носила почти постоянный характер), ее результатом стали весьма распространенные стереотипные и эссенциалистские представления о национальной принадлежности (советские анекдоты служат ярким тому примером)².

² В книге М. Мельниченко «Советский анекдот. Указатель сюжетов» в главе «Автономные республики» читатель находит анекдоты о Прибалтике, Украине, Армении, Узбекистане. Грузия и грузины появляются во многих анекдотах (и, конечно, в анекдотах о Сталине). Им приписывают стереотипные черты: хва-

При этом не следует забывать и о негласной иерархии народов СССР, в которой русские («первые среди равных») и грузины («древнейшая цивилизация СССР»), как правило, занимали места в самых высоких рядах, что подчеркивало их неофициальный статус более цивилизованных народов.

В то же время многочисленные биографии жителей советского и постсоветского пространства помогают нам осознать, как часто критерии родного языка и происхождения не совпадали друг с другом, так как нередко в одной семье или социальной группе использовалось два или более языков. Эти же биографии напоминают нам и о факторе внутренней миграции, когда советские люди оказывались в далеких и незнакомых им уголках Союза, следуя, например, за своими родителями или супругами, и при этом учились идентифицировать себя либо сразу с несколькими национальными культурами, либо же ни с одной из них. В глобализованном мире после 1991 г. этот процесс обрел дополнительное ускорение, одновременно сменив географическую направленность самих путешествий и миграционных потоков; однако он сам по себе не стал чем-то новым, поскольку наблюдать его можно было и в советское время, более того – для многих советских граждан именно внутренняя миграция стала основополагающим жизненным опытом.

ство, бабничество, преувеличенную семейственность, склонность к воровству и коррупции (Мельниченко, 2014, 970–975). Русские как дефолт-нация не становятся сюжетом обсуждения.

Здесь, однако, следует отметить присущую советскому периоду нечеткость в разграничении понятий «русского» и «советского», которая на уровне нормативной культуры существует и по сегодняшний день (ср.: Тлостанова, 2004, 194), по-своему иллюстрируя то особое состояние, которое в работах Хоми Бабы (Bhabha, 1994) названо гибридностью и в более поздних трудах было развито им до понятия «промежуточность» (inbetweenness). Таким образом, постсоветское пространство следует описывать как зону специфических транскультурных отношений (ср.: Тлостанова, 2004), в рамках которых и расположен объект нашего исследования – «Россия и Грузия». Разговаривая с людьми, хорошо помнящими жизнь в СССР, нередко сталкиваешься с ностальгическими воспоминаниями (Boym, 2001) о той беззаботности, с которой тогда воспринимались этнические различия, – беззаботности, исчезнувшей с распадом Союза, уступив место межэтнической розни и войне. Границы и иерархия национальностей, установленные в советские времена, оказались тяжелым наследием для новообразовавшихся государств постсоветского пространства. Особенно заметной эта тяжесть стала на фоне процессов государственной консолидации, в которые бывшие советские республики окунулись после 1991 г.

С падением коммунизма начинается новый этап, который Борис Буден (Buden, 2009, 66) характеризует как фазу «исторической амнезии»: в политическом дискурсе соб-

ственная национальная история продолжает существовать лишь как сплошной пробел, который в рамках культурного процесса заполняется симулякрами. Причем такого рода амнезия в равной степени характерна как для «национально освобожденных», так и для тех, кто усматривает в распаде СССР геополитическое поражение (разграничение между этими двумя группами отнюдь не совпадает с национальными границами). Такого рода «амнезия» сближает «восток», постсоциалистическое пространство, «второй мир» с бывшими британскими, французскими, испанскими, португальскими, немецкими, бельгийскими и т. д. колониями, позволяя интерпретировать десятилетия советской власти именно как разновидность колонизации/колониализма³. Такая трактовка неизбежно возникает из логики самого дискурса, являясь своего рода смысловым дополнением к историческому факту имперского гнета. При этом в глазах представителей национальных республик, не идентифицирующих себя как русских, сама советская власть нередко выступает в роли сугубо внешнего фактора и определяется именно как «русская» власть, в то время как распад СССР преподносится в рамках публичной национальной самопрезентации как национальное освобождение, описываемое в традициях антиколониальной борьбы (Ibid.).

³ О родстве, даже фактическом совпадении постсоциализма с постколониализмом пишет Штефанеску (Ștefănescu, 2012, 76–81).

Литературные связи и развязки

Литература, в свою очередь, представляет собой весьма полезный материал, который позволяет заглянуть за кулисы такого рода геополитических нарративов, поскольку, с одной стороны, политически значимые мыслительные категории неразрывно связаны **как с литературными образами «России» и «Грузии», так и с русско-грузинским мифом**; а с другой стороны, именно литература традиционно является тем местом, где происходит культурная рефлексия, где «устоявшееся» знание подвергается критическому осмыслению, где сталкиваются друг с другом идентичности, стереотипы и способы восприятия действительности. Как минимум до начала постсоветской эпохи литература оставалась важнейшим средством общественного самосознания, как в самом Советском Союзе, так и в Восточной Европе в целом. В эпоху Интернета и социальных сетей статьи данного сборника призваны, помимо всего прочего, продемонстрировать потенциал научного изучения литературы в ее общекультурном контексте.

Традиционно Грузия занимает важное место в системе русской культуры, играя в ней роль некоего «Ориента», в котором, с одной стороны, особым образом сплелись представления о «Юге» и «Востоке» (ср.: Layton, 1994); но, с другой стороны, Кавказ – вторичный Ориент, потому что са-

ма Россия уже является «вторичной империей» по отношению к Западу (Tlostanova, 2010, 64, 68, 70). Кавказ играет по отношению к России роль домашнего иного, «юга бедного севера» (Тлостанова, 2012, 99, 103). Оставаясь при этом важным местом для проецирования инаковости, Грузия в то же время символизирует имперское богатство России. Эта асимметрия прослеживается на протяжении всей истории взаимоотношений двух стран, представляя Россию, как правило, в роли гегемона, а Грузию – в роли «объекта», которым гегемон желает овладеть. Однако эта упрощенная картина очень скоро обнаруживает весомые противоречия. Так, уже в самом начале эпохи романтизма Грузия выступает не только в роли маргинализированной жертвы имперской политики, но и приобретает образ страны свободы и вдохновения, а позднее становится пристанищем для инакомыслящих представителей имперской элиты, перенимая при этом созданный «оккупантами» образ рая на земле. Благодаря своей древней традиции государственности, ранней христианизации, наличию собственного языка, письма и высокой культуры Грузия обладает значительным символическим капиталом (в терминологии Пьера Бурдьё), который в равной степени служил фундаментом для национального движения и притягивал к себе советские элиты. В то же время огромное количество грузин осваивало имперское, а затем и советское знание, чтобы на его основе строить успешные карьеры. Таким образом, на протяжении всего суще-

ствования СССР «грузинский элемент» все теснее вплетался в единую советскую культуру. Наглядным и, пожалуй, наиболее известным примером такого сплетения служит фигура Иосифа Виссарионовича Джугашвили, который под именем Сталин стал живым воплощением тоталитарного Советского государства. Полушутя называя себя «русским грузинского происхождения»⁴, Сталин, тем не менее, позволял части грузинской элиты греться в лучах его власти (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 227–256).

В процессе стабилизации мультиэтнической структуры Советского государства были созданы весьма громоздкие и затратные механизмы, которые, являясь воплощением советской программы эмансипации и развития наций, идеологически обслуживали постулаты «дружбы народов» и солидарности братских республик, а своим главным врагом провозглашали так называемый (мелко-)буржуазный национализм. Искусственный характер этих советских инициатив подчеркивают сегодня многие исследователи. Однако фактом является и то, что сведенные к ритуалу встречи между писателями и интеллектуалами из разных республик нередко влекли за собой вполне искреннее общение и развитие дружеских отношений, которые многочисленными нитями пронизывали Советское государство, преодолевая ха-

⁴ Сталин произнес известный тост на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., в котором подчеркнул роль русского народа в победе во Второй мировой войне (Сталин, 1997, 228–229). Фраза о происхождении Сталина, не вошедшая в официальную печать, стала популярной легендой.

ракторное для него разделение на центр и периферию (Дравич, 1990). Кроме того, интеллектуалы, живущие на периферии, нередко помогали своим опальным коллегам из центра, подыскивая им работу (например, заказы на перевод текстов) и т. п. Особенно в позднесоветский период такого рода контакты нередко попадали в поле зрения идеологических надзирателей, поскольку они, помимо всего прочего, включали в себя также и обмен запрещенными или идеологически опасными материалами (Алексеева, Гольдберг, 1990, 148, 183, 222).

С началом перестройки закосневшие советские шаблоны внезапно приходят в движение, а вместе с ними «перестраиваются» и языковые нормы, регулирующие грузинско-советско-русские взаимоотношения, раскрывая при этом всю их противоречивость. Эти перемены застают врасплох авторов, пишущих на русском языке, одновременно открывая их грузинским коллегам новые возможности для творчества. В то время как русскоязычным писателям приходится совершенно по-новому концептуализировать Грузию («изгнание из рая», см.: Чхайдзе, 2016), в литературе, издаваемой на грузинском языке, все более заметным становится антиколониальный дискурс, который долгое время скрывался в гибридных текстах или на уровне подтекста, а теперь выходит на поверхность без табу и камуфляжа. Тем временем в политической сфере между Россией и Грузией растет напряженность, связанная прежде всего с эскалацией межнациональных кон-

фликтов и – в России – со страхом перед развалом государства⁵. В дополнение ко всему вспыхивает исторический дискурс вины, в рамках которого русскоязычная общественность ставит вопрос непосредственно о роли грузин в советском аппарате подавления (Сталин, Берия, Шеварднадзе). С началом вооруженного противостояния в Абхазии и Южной Осетии в грузинском обществе набирают обороты антироссийские настроения, лейтмотивом которых становится лозунг «Грузия для грузин» (провозглашенный президентом Звиадом Гамсахурдия⁶). В этой антироссийской риторике националистические иллюзии о собственной избранности сплетаются с дискурсивными клише о национальном освобождении, взятыми из постколониального репертуара.

В области литературы 1980-е гг. ознаменовали более яркое проявление в Советском Союзе постмодернистских течений. Именно они дают толчок для новой циркуляции дискурсивного материала, который в свою очередь оказывается прочно связанным с досоветскими (иногда – национальными) дискурсами, создавая таким образом впечатление возврата к старым мотивам, формам и речевым особенностям. Однако полноценный возврат в *status quo ante* в области культуры является таким же нереальным, как и в области политики. На самом деле то, что мы можем наблюдать как в русско-, так и в грузиноязычных текстах того времени, яв-

⁵ О конфликтах в Южной Осетии и Абхазии см.: (Cornell, Svante, 2002, 176).

⁶ Блестящее описание фигуры З. Гамсахурдия находим у: (Jones, 2013, 54–73).

ляется либо реконструкцией границ и идентичностей, либо их деконструкцией. При этом преодоление эссенциалистского понимания нации (и присущих ему гендерных и расовых стереотипов) становится такой же важной задачей литературного творчества, как и вопросы ответственности и этики.

Начиная с середины 1980-х в русской литературе наблюдается изменение тем и мотивов в сторону отчуждения и очуждения нерусских, что означает начало процесса выстраивания «новой» русской национальной постсоветской идентичности. Подтверждением тому является появление впоследствии весьма шумевшего рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», первого, в котором, помимо повышенного внимания к грузинской тематике, в отрывочных фразах отмечается пренебрежительное отношение и к евреям, и к грекам, и к другим народам. Что касается грузинской литературы, то и здесь наблюдаются такого рода размежевания, но, в отличие от русской, они существовали и в имперские, и в советские времена, будучи скрытыми за иносказаниями, которые были понятны только грузинской интеллигенции. Георгий Майсурадзе и Заал Андрионикашвили (2007) выдвинули предположение о том, что грузинские элиты именно филологическими знаниями подменили реальную политику. Это привело к плачевным последствиям первых лет независимости и фактической потере территорий в лице Абхазии и Южной Осетии⁷.

⁷ О подмене или компенсации политической зависимости культурными мифа-

Языковая политика. Переводная и транснациональная литература

Говоря о русско-грузинских литературных и культурных процессах, невозможно обойти стороной проблемы языка, языковой политики и организации знания. Многочисленные попытки урезать статус и сферу употребления грузинского языка в пользу русского имели место как в Российской империи, так и в Советском Союзе. Последняя такая инициатива потерпела неудачу в 1973 г., когда была предпринята попытка закрепить за русским языком статус официального языка в Грузинской ССР. Вместе с тем на территории Грузии были кодифицированы и развивались абхазский и осетинский языки – этот процесс, начавшийся еще при Российской империи, стал особенно интенсивным именно в советскую эпоху. В то же время русский язык рассматривался представителями союзного центра как неотъемлемая часть советской модернизации и цивилизаторской миссии (*mission civilisatrice*). Именно «язык межнационального общения» становится важнейшим инструментом русификации (Дравич, 1990, 32; Тлостанова, 2004, 194).

С другой стороны, и без того относительно высокий престиж грузинского как литературного языка, а также языка древней христианской культуры приобретает еще одно важное символическое значение – именно грузинский язык

становится своего рода бастионом против русификаторских практик советской эпохи. Говоря о литературном творчестве, нельзя недооценивать роль этой особой языковой ситуации. Убежденность в превосходстве русскоязычной советской культуры, как правило, влекла за собой нежелание ее носителей тратить время и усилия на изучение языков других народов СССР. Различные вариации би- и мультилингвальности (например, русско-грузинская, русско-азербайджанская, русско-армянская) были и остаются характерными лишь для тех, чья языковая социализация проходила вне России, вдали от Москвы. В самой же Москве – центре литературной и культурной жизни страны – знание национальных языков не являлось обязательным условием для успешной карьеры функционеров от культуры, включая и тех из них, кого отправляли на работу непосредственно в союзные республики. Это в свою очередь приводило к тому, что вопросы цензуры и идеологического контроля оставались на попечении лояльных советскому строю билингвов. Таким образом, формировался целый класс профессиональных *inbetweeners* (в классификации Хоми Бабы), чьим полем деятельности была регламентация того, что разрешалось писать и публиковать на грузинском языке, а разрешалось здесь гораздо больше, чем писали и публиковали на русском. Безусловно, такая «вольность» объяснялась прежде всего тем, что и в других республиках грузинский язык изучали крайне редко, а следовательно, тексты, опубликован-

ные на грузинском языке, имели ограниченную аудиторию, которую, как правило, составляли исключительно советские граждане грузинского происхождения.

Именно здесь становится очевидным то большое значение, которое имела в Советском Союзе переводческая деятельность. Во всех областях культуры переводы были незаменимым элементом, однако их важность подчеркивалась еще антропологическими аргументами. В частности, Максим Горький – отец-основатель и популяризатор многонациональной советской литературы – считал, что в литературном тексте заключен универсальный человеческий опыт (Khotimsky, 2013, 138). Кроме того, Горький полагал, что на пути к всеобщему братству народы мира должны прежде всего узнать друг друга, а литература как раз и является идеальным средством такого взаимного познания. С этой целью, заручившись политической поддержкой большевиков, Горький инициировал беспрецедентный по своим масштабам переводческий проект, который должен был открыть народам СССР всемирное литературное наследие. Жестокая консолидация советской литературы, начавшаяся после I Всесоюзного съезда писателей 1934 г., позволила применить эту модель и внутри СССР. На какое-то время советская индустрия переводной литературы становится крупнейшей в мире (Гудков, Дубин, 2009, 189). При этом парадигматическим языком является именно русский: переводы с других языков на грузинский осуществляются, как правило, через русский

перевод. Дравич указывает на то, что эта ключевая роль русского языка имела колоссальные последствия для «националов» – т. е. для авторов, которые писали на казахском, армянском или грузинском языке. Эти писатели отдавали себе отчет в том, что только через русский язык их работы потенциально могли привлечь внимание всесоюзной публики, не говоря уже о читателях за рубежом. Такое положение вещей не только делало статус переводчика заведомо высоким, вынуждая авторов заискивающе добиваться их расположения (Дравич, 1990, 32), но и влияло на сам творческий процесс, поскольку писатели уже в процессе написания произведения должны были учитывать вопросы переводимости, организации знания, а также ожидания советской читательской аудитории. Более того, Чингиз Гусейнов, к примеру, рассказывает о русских «переводах» с национальных языков советских республик, которые, при наличии выгодных предложений публикации, подготавливались еще до написания самого оригинала (Гусейнов, 2014, 205). Таким образом, становится очевидным, что русский язык функционировал не просто как транснациональный, но даже как универсальный язык, который словно гигантский купол накрывал все остальные языки Советского Союза.

Помимо этого, именно русский оставался главным языком литературоведения – как правило, именно на нем проводился научный анализ советской литературы. Но одновременно с этим русский был и является мифически возвышен-

ным воплощением «русскости» как таковой, оставаясь при этом также и языком завоевателей, в связи с чем роль русского языка как «мягкой силы» (soft power) всегда вызывала противоречия, на что указывает в своей работе Тлостанова (2004, 98, 379–380), говоря, в частности, о России как о вторичной империи. Из-за этого русский язык конкурировал с другими языками, претендующими на универсальность, например с французским и, в особенности, с английским.

В свете сказанного о русском и грузинском языках и их сосуществовании в рамках советской культуры напрашивается вывод о том, что конец СССР ознаменовал собой распад целой системы организации культуры и знания. С распадом Союза структура производства переводной литературы быстро пришла в упадок ввиду прекращения государственных субсидий, в результате чего рецепция иноязычного материала в Грузии была организована заново и на совершенно других основаниях. В обеих странах наиболее значимой «мягкой силой» стали США, чье влияние стало заметным не только на литературном рынке, но и в самом языке – например, в виде растущего числа новых англицизмов. Сегодня статус грузинского как национального языка не подлежит сомнению. После нелегкого переходного периода в грузинской образовательной системе русский язык окончательно уступил английскому свой статус важнейшего иностранного языка. В российской системе образования стал наблюдаться от-

части схожий процесс: английский язык на фоне других иностранных языков обрел особый статус. Тем не менее советская культура и русский язык остаются важной сферой притяжения интересов для грузинской литературы, что, с одной стороны, объясняется наличием «русских» компонентов в истории самой Грузии, которые являются частью собственного жизненного опыта многих носителей этой культуры. С другой стороны, значительная часть текстов, так или иначе связанных с Грузией, была написана на русском языке и отражает переживания и опыт огромного числа русскоговорящих граждан бывшего Советского Союза – тех самых граждан, которые в последнее время якобы образуют «русский мир» (ср.: Тесля, 2014). Исключение этих текстов из грузинской литературы было бы по меньшей мере неоправданным. При этом русский является далеко не единственным языком, которым пользуется современная «грузинская» литература. В эпоху глобальных миграций важными языками «русской» и «грузинской» литератур становятся английский, а в какой-то степени и немецкий; писатели как представители транскультурного литературного процесса могут писать на любом языке.

Вопрос выбора языка стоял и перед авторами-составителями этой книги. Очевидно, что получить доступ к международному рынку научной продукции легче всего при помощи английского. Однако нам было важно инициировать обмен мнениями о событиях последних 25 лет между представи-

телями разных стран и, что еще важнее, разных поколений. Добиться этого в нашей научной дисциплине можно только посредством русского языка. Таким образом, ставший перед нами выбор оказался лишь выбором в пользу той или иной гегемонии. Выбрав русский язык, мы, безусловно, рискуем лишний раз подтвердить расхожее, но оттого не менее ложное мнение о превосходстве этого языка и культуры над языками и культурами своих южных соседей, а также предоставить слово лишь тем, кто умеет «говорить» по-русски. Но поскольку альтернативой такому выбору было лишь молчание, то и альтернативы как таковой у нас не было вовсе.

Книга включает в себя четыре части. В первой из них – **«Литература, язык, знание»** – в статье Мирьи Лекке «Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте» пойдет речь о соотношении исследования русско-грузинских литературных связей советского и постсоветского периодов с социальными и идеологическими парадигмами. Гасан Гусейнов в статье «Грузинский акцент в русском дискурсе позднесоветской и первой четверти века постсоветской эпохи» обратился к не разработанной на постсоветском пространстве теме акцента и его роли в советском и постсоветском социуме, взяв как пример грузинский акцент, который был слышен в речах самых ярких грузин советского и постсоветского периодов (Сталин, Шеварднадзе, Мамардашвили).

Во второй части – **«Вместо дружбы»** – литературоведы

и культурологи обратились к литературе и литературному процессу постсоветского времени. К межэтническим конфликтам в Абхазии и Южной Осетии обратилась Елена Чхаидзе – «Тематические переломы: новые тенденции в русской и грузинской литературе постсоветского периода». Исследовательница провела анализ изменения тематической парадигмы Россия – Грузия в обеих литературах. Заза Абзиганидзе в работе «Литература как альтернативная история: постсоветские конфликты в грузинской прозе» рассказывает об отражении постсоветской грузинской действительности в мемуарах грузинских пропагандистов и хронистов трагических событий 1990-х гг. В ряд исследуемых произведений попали тексты представителей разных поколений – Отара Чхеидзе, Отара Чиладзе, Тамты Мелашвили и других. Дирк Уффельманн в исследовании «La guerre de Géorgie n'a pas eu lieu: Заза Бурчуладзе, разоблачение пост-постмодернизма и ставка на российского маргинального читателя» обратился к эстетической и книгопечатной нише, в которой русские переводы книг Зазы Бурчуладзе нашли место на российском книжном рынке.

В третьей части книги – **«Имперское наследие»** – читатель узнает о новых интерпретациях и исследованиях классических произведений русской и грузинской литературы в свете постимперских/постколониальных теорий. Харша Рам в исследовании «К вопросу о поэтических источниках грузинского тоста» обращается к репрезентации и ал-

легорическому изображению грузинского застолья, тостов и кутежей как миметической стратегии самоутверждения идентичности или, напротив, как идеологического соперничества и символической компенсации. Бела Ципурия в статье «Гибридность и двойной социокод в романе Чабуа Ами­рэджиби „Дата Туташхия“» исследует введенное Хоми Ба­бой понятие «гибридность» на примере известного романа грузинской литературы XX в. Два известных романа грузинской литературы – «Арсен из Марабды» Михаила Джавахишвили и «Шел по дороге человек» Отара Чиладзе – попали в поле интересов Дональда Рейфилда («Русофобия, тайная и явная, в грузинском советском романе»). Ученый демонстрирует, как грузинское имперское и постимперское историческое наследие становится удобной почвой для кодирования и отражения новой советской действительности в грузинской литературе. Путевая проза Андрея Битова и Петра Вайля стала материалом для исследования роли русского языка на Кавказе, восприятия бывшей советской Грузии как нового пространства, что нашло отражение в статье Иоанны Кула «Осколки бывшей Империи. Грузия в современной путевой прозе». Моника Беднарчук в статье «Симпатия и ностальгия в тени старшего брата: постсоветская Грузия в польских репортажах и в общественном дискурсе» обратилась к романтизации образа Грузии как восточной страны в репортажах Мартина Меллера, Войцеха Горецкого, Мартина Савицкого и др. Она выдвигает тезис, что в польском

дискурсе Грузия выполняет функцию поддержки западной самоидентификации поляков.

В заключительной части – «**Очевидцы**» – собраны материалы, содержание которых основано на отражении восприятия постсоветской Грузии и ее отношений с Россией. Авторами работ, наряду с исследователями, являются писатели, публицисты и культурологи. В интервью с Александром Эбаноидзе, которое мы озаглавили как «Писатель между народами, литературами, эпохами», шла речь о вопросах, касающихся нахождения писателя в межкультурном пространстве, и судьбе выходца из советской периферии в советские времена. Мария Филина в работе «Идеология и власть: подчинение и попытки игнорирования» поставила под сомнение нарратив о тотальном идеологическом контроле советской власти над литературоведческим процессом. Главной темой интервью с Николаем Шабуровым («Взгляд из России») стал комментарий очевидца и исследователя, родившегося в Грузии и живущего в России, на изменения отношения к постсоветской Грузии в постсоветской России.

В заключение читателю сборника предложено эссе Стефана Ваквитца «Два неслыханных события» – из книги «Die vergessene Mitte der Welt: Unterwegs zwischen Tiflis, Baku, Eriwan» [Забывтая середина мира: По дороге между Тбилиси, Баку, Ереваном], в котором он знакомится с впечатлениями западноевропейского человека, попавшего в постсоветскую Грузию и ставшего очевидцем трансформации общества.

Перевод с немецкого Александра Забирко

Библиография

Алексеева Л. (1992) История инакомыслия в СССР. Вильнюс; М.: Весть.

Алексеева Л., Гольдберг П. (1990) Поколение оттепели. М.: Захаров.

Андроникашвили З., Майсурадзе Г. (2007) Грузия-1990: филологема независимости, или Незвлеченный опыт // НЛО. № 83. С. 122–137.

Бурдьё П. (2004) Формы капитала / Пер. с англ. М. С. Добряковой; *Бурдьё П.* Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН.

Бурдьё П. (2005) Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.

Гвосдев Н. [Гвоздев Н.] (2012) Новая Российская империя // Кавказ online. 21 апреля (<http://kavkasia.net/Russia/article/1335068247.php>).

Гудков Л., Дубин Б. (2009) Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Иван Лимбах.

Гусейнов Ч. (2014) К вопросу о «русскости нерусских» // Дружба народов. № 4. С. 204–224.

Дравич А. (1990) Не только русская литература: советский не обязательно русский // Вопросы литературы. № 8. С. 28–

Кобрин К. (2016) Конец и постскрипtum // Настоящее время. 25 августа (<http://www.currenttime.tv/a/27945804.html>).

Мельниченко М. (2014) Советский анекдот. Указатель сюжетов. М.: НЛО.

Сталин И. (1997) Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель. С. 228–229.

Сунд Р. (2011) Государство Наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН.

Тесля А. (2014) О «Русском мире» // Ведомости. 22 августа. № 3658 (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/22/o-russkom-mire>).

Глостанова М. (2004) Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: УРСС.

Глостанова М. (2012) О произвольности географии, или Почему мы исчезаем // Личность. Культура. Общество. Т. 14. № 69/70. С. 95–108.

Чхаидзе Е. (2016) Грузинская тематика в русской литературе постсоветского периода // Громова Н., Лютикова Г. (Сост.); Лютикова Г. (Ред.). Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур: Сб. по материалам конф. М.: Изд-во «Литературный музей». С. 178–193.

Bhabha H. K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge.

Boym S. (2001) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.

Buden B. (2009) *Zone des Übergangs: vom Ende des Postkommunismus*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Cornell S. E. (2002) *Autonomy and Conflict: Ethnoterritoriality and Separatism in the South Caucasus – Cases in Georgia*. Uppsala: Uppsala University.

Hosking G. (1997) *Russia: People and Empire, 1552–1917*. Cambridge: Harvard University Press.

Jones S. (2013) *Georgia: A Political History since Independence*. London; New York: I. B. Tauris.

Khotimsky M (2013) *World Literature, Soviet Style: A Forgotten Episode in the History of the Idea // Ab Imperio. № 3. P. 119–155.*

Layton S. (1994) *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lukyanov F. (2012a) *The End of the Post-Soviet Era // Russia in Global Affairs. 19 january. (<http://eng.globalaffairs.ru/redcol/The-End-of-the-Post-Soviet-Era-15443>).*

Lukyanov F. (2012b) *The End of the Post-Soviet Period in Russian Foreign Policy: What is Next? [Interview] // Center for Strategic and International Studies. 29 february (<https://www.csis.org/events/end-post->*

soviet-period-russian-foreign-policy-what-next).

Maisuradze G., Thun-Hohenstein F. (2015) *Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen im Sowjetimperium*. Berlin: Kadmos.

Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.

Reisner O. (2007) Kaukasien als imaginierter russischer Raum und imperiale Erfolgsgeschichte // *Pietrow-Ennker B.* (Hg.). *Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebensräume*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 61–82.

Slezkine Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. № 2 (Summer). P. 414–452.

Ștefănescu B. (2012) *Postcommunism – Postcolonialism: Siblings of Subalternity*. București: Universității din București.

Suny R. G. (1988) *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.

Tlostanova M. (2010) *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. New York [u. a.]: Palgrave Macmillan.

Часть 1. Литература, язык, знание

Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте

Мирья Лекке

Русско-грузинские литературные и политические отношения плотно переплетены между собой. В свое время на это обратила внимание Сюзан Лейтон в книге «Русская литература и империя: Завоевание Кавказа от Пушкина до Толстого» (Layton, 1994). Я хотела бы продолжить разговор о «власти» и литературном процессе, взяв во внимание XX–XXI вв. Комплекс академических и общественных институций и процессов, связанных с русско-грузинскими литературными отношениями позднесоветского и постсоветского периодов, будут рассмотрены как констелляция знания. Меня интересуют отношения между центром и периферией, а также культ классиков в литературе, переводы и развитие исследовательского процесса (его кадры, темы и методы на разных этапах развития литературных связей).

Учитывая, что литературный процесс, бесспорно, явля-

ется когнитивным явлением, и основываясь на теории Мишеля Фуко, можно утверждать, что и в литературе «власть» и «знание» неразделимо связаны посредством практик и дискурсов. Отсюда появился интерес пристальнее всмотреться в организационные структуры и социальные особенности, в рамках которых развивались русско-грузинские литературные отношения. Самым важным положением данной статьи является рассмотрение истории русско-грузинской литературной дружбы не как истории потерь, а как истории превращения некоторых сложно соотнесенных между собой систем знаний.

Советский период

Центр и периферия

Советский Союз был наследником многонациональной царской империи и имел типично имперскую структуру (ср., напр.: Martin, 2001), в которой центр противопоставлен периферии, при этом центр являлся местом производства норм, положения которых распространялись на периферию. К этой теме обратилась социолог и историк науки Елена Гапова. Она описывает Москву как неоспоримый центр знания Советского государства. В столице проверенные и лояльные компартии кадры имели доступ к релевантному зна-

нию, спрятанному от общества в спецхранах (Гапова, 2011, 301). Москвой задавался вектор развития: именно оттуда шли ресурсы на поддержание всесоюзной литературной жизни, именно там устанавливались правила производства советской литературы и знания о ней. Основой такого распределения являлась национальная политика. Она в большой мере влияла на систему знаний о культурах Советского Союза, а понятие «дружба народов», как известно, было связующим для многонационального государства (Martin, 2001, 432–461), которое исследователи сравнивали с коммунальной квартирой (в каждой из ее комнат питалась и развивалась своя национальная культура, ср.: Slezkine, 1994)⁸. Хотя автономия национальных культур в СССР была весьма ограничена. Роль соотношения центра – сначала Петрограда, а затем Москвы – с периферией в институциональном литературно-исследовательском процессе очевидна.

Блестящим свидетельством тому является история кавказоведения, включавшая в себя и картвелологию⁹. Еще на заре XIX в. в России зародился интерес к исследованию Кавказа. Толчком к его началу стала практическая необходимость, обусловленная российской экспансией на Кавказ;

⁸ Переплетение имперского наследия СССР, ассимиляторской политики и этнических напряженностей живо обсуждалось в позднесоветский период. Гусейнов и Драгунский (1990, 11–30) весьма критически относятся к метафорическим описаниям СССР типа коммуналки, семьи, братьев и т. д.

⁹ При работе над историей кавказоведения в России мне помогла Елена Чхaidзе, которой я очень благодарна.

кроме того, свою роль сыграл романтизм (см.: Страницы 1992). «Успешному развитию кавказоведения в этот период способствовали и следующие обстоятельства: контакты живших в Грузии русских с местными учеными и появление в русской чиновничьей среде дилетантов – собирателей древностей. Важнейшую роль в развитии изучения Кавказа сыграли увеличение в Тифлисе количества изданий на русском, грузинском и армянском языках и появление периодической печати» (Орбели, 1972, 469). Напрашивается вывод, что русское кавказоведение можно назвать научным присвоением на фоне имперской экспансии. В советский период кавказоведение строилось на этом наследии. В начале XX в. главные центры кавказоведения находились в Петрограде (Ленинграде) и Москве. При том что старые, еще имперские, научные центры продолжали свою работу, в изменившихся исторических условиях стали появляться и новые, которые тоже находились исключительно в «столицах» (см.: Страницы 1992).

К старым центрам кавказоведения, являвшимся одними из важнейших, принадлежал Азиатский музей в Петрограде, при котором в 1921 г. был основан новый: Коллегия востоковедов. Возглавил ее востоковед и кавказовед, родившийся в Кутаиси, Н. Я. Марр, ведущий теоретик раннесоветского языковедения (см. о нем: Кларк, Тиханов, 2011, 312–317)¹⁰.

¹⁰ О «грузинском» элементе политико-лингвистического спора между Марром и Сталиным см.: (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 81–88).

Как кавказовед он был учеником французского востоковеда и картвелолога М.-Ф. Броссе (Marie-Félicité Brosset), переехавшего из Парижа в Петербург для продолжения своих исследований и путешествовавшего по Грузии и Армении. В числе работ обоих ученых есть и труды о русской литературе в контексте кавказской темы (Чхаидзе, 2015, 94).

М. Броссе и Н. Марр являлись учителями основателя Тбилисского университета Иванэ Джавахишвили, который также получил образование на факультете восточных языков Петербургского университета и таким образом перенес знание центра на периферию. К новым центрам принадлежал и Институт востоковедения АН СССР, основанный в 1930 г. на базе Азиатского музея. В его структуре был создан Кавказский кабинет, сотрудниками которого были известные историки, фольклористы, лингвисты, специалисты по Грузии, Армении и северокавказским народам¹¹.

Также значительные кавказоведческие исследования проводились Комиссией по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, созданной в апреле 1917 г. при Академии наук (КИПС). Ее кавказским отделом руководил опять-таки Н. Я. Марр. Позже, в 1930 г., КИПС была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), возглавляемый все тем же Н. Я. Марром (Страни-

¹¹ К. Д. и В. Д. Дондуа, С. Т. Еремян, А. А. Калантар, Ю. Н. Марр, И. В. Мегрелидзе, Б. Т. Руденко, Р. Р. Орбели, А. Г. Шанидзе, Р. М. Шаумян и др.

цы)¹².

К концу 1930-х гг. «сила тяжести» исследовательского процесса переносится на периферию. Там организуются национальные центры исследований. В Грузию возвращаются ученые, получившие образование в России (в Петербургском и Московском университетах), и становятся ведущими специалистами республики. Эти ученые создают вокруг себя научные группы, перераставшие в исследовательские школы (И. Джавахишвили, С. Данелия, В. Шадури и др.) (Чхаидзе, 2015, 98–100).

Начиная с 1950-х гг. для чтения лекций по истории Грузии и истории грузинской литературы и языка в России уже приглашались специалисты из Грузии. Так, в частности, проводилось обучение специалистов в Литературном институте им. М. Горького. Особенно ярким примером, подтверждающим важность Москвы в многонациональной литературной жизни эпохи, стало создание в 1932 г. ИМЛИ – Института мировой литературы им. Максима Горького (это название он получил в 1938 г.), в котором был отдел («сектор») литературы народов СССР. Здесь, как и в других вузах Москвы и Ленинграда, работали отдельные специалисты по грузинской литературе. Среди целей и задач ИМЛИ значилась поддержка и пропаганда дружеских связей в литературе. Ин-

¹² К работе были привлечены К. Д. Дондуа, И. А. Орбели, А. Н. Генко, И. И. Мещанинов, А. А. Бокарев, Р. М. Шаумян, И. В. Мегрелидзе, С. А. Быховская, из Москвы специально приезжал Н. Ф. Яковлев, внештатно работал студент В. И. Абаев.

ститут, несомненно, был самым важным местом для сбора и распространения знаний о литературах советских республик. В его публикациях часто встречаются признания о том, что советская литература – феномен братски соотнесенных разноразличных литератур народов СССР. Однако во главе их стояла русская литература, с которой проводились параллели и к которой обращались как к образцу. Тбилисец Георгий Ломидзе, получивший высшее образование в Москве и в течение многих лет возглавлявший ИМЛИ, пишет: «Русская литература служит своего рода учебником, образцом высокодейственного художественного творчества» (Ломидзе, 1960, 491).

Параллельно вышеописанному протекал и другой процесс. Со времен оттепели Грузия, как и в XIX – начале XX в., снова становится творческим центром для разных языковых групп целого государства. Это произошло, хотя бы отчасти, благодаря ее периферийности. Из-за того, что релевантность высказываний оценивалась ниже, цензура здесь была слабее, чем в центре¹³. В журнале «Литературная Грузия» и в издательстве «Мерани» выходили произведения и материалы, у которых не было шанса на публикацию в столице. В 1958 г. появились переводы Бориса Пастернака, против которого в это время в столице развернулась жесткая трав-

¹³ Чингиз Гусейнов рассказывает о противоположном опыте при издании своих книг – в Москве печатался более острый материал, чем в Азербайджане, цензура в центре была слабее, чем на периферии (Гусейнов, 2014, 212).

ля (Беставашивили, 2008, 386). Современники говорили, что в Грузии власть могла выпустить пар из котла.

Кроме роли периферийности, хотелось бы обратить внимание на еще одну важную характеристику – «литературоцентричность» СССР, «упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам саморепрезентации» (Кондаков, 2008, 5). Эта черта восходит к русской культуре XIX в., когда литература для интеллигенции считалась единственным средством правдивого отражения действительности, и впоследствии литература занимала исключительно важную роль – не только эстетическую, но идеологически-политическую¹⁴.

Из России литературоцентричность влияла и на Грузию. Вне Российской империи ее роль в общественных процессах вряд ли достигла бы такого уровня. Насколько глубоко и как переняла ее грузинская культура – это уже другой вопрос.

Литературоцентричность стояла во главе угла распределения знаний в СССР. Она имела глубокое влияние и далекоидущие последствия. В Советском Союзе особенно ценилась малоизвестная или запрещенная литература. Она считалась привилегированным способом дойти до релевантного знания. И потому доступ к ней представлялся значительным культурным капиталом (Гапова, 2011, 300).

Литература ценилась не только как средство познания общественной реальности. Она была весьма значима для

¹⁴ Критически о понятии «литературоцентричность» пишет Кукулин (2014).

функционирования многонационального государства. Максим Горький был убежден, что народы только через литературу могут познавать друг друга (Муратова, 1958, 51). И вообще, язык и литература были особыми, чуть ли не единственными областями, в которых грузины и другие национальные группы легитимно могли выразить свои национальные чувства (Maisuradze, Thun-Hohenstein, 2015, 76).

Итак, литературное поле в Советском Союзе было полностью идеологизировано. В характерной для литературы многозначности художественного произведения виделась угроза идеологической силе. А потому число толкований смыслов текстов старались сократить. И одним из орудий сдерживания был культ классиков.

Культ классиков

Как пишут Гудков и Дубин, советская литература и наука о ней были чрезвычайно каноничны и ориентированы на классиков (Гудков, Дубин, 2009, 185). Для литературных отношений между Россией и Грузией классики, конечно, особенно важны, так как карьера и творчество многих из них (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой) непосредственно связаны с Кавказом, управлявшимся в царское время из Тбилиси.

При взгляде на русскоязычные литературоведческие исследования советского периода в глаза бросается то, что

представление о грузинской литературе и ее осмысление зачастую происходят посредством обращения к образованию русско-грузинских пар, не только Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе, но и пар произведений, писателей и поэтов. При этом такие пары – совершенно разного плана.

Например, в истории литературы соотносятся эпические, но абсолютно несхожие между собой шедевры, каждый из которых имеет символическое значение для своей литературы, – «Слово о полку Игореве» и «Витязь в тигровой шкуре». Или же соотносится историческая значимость писателей – Александр Сергеевич Пушкин и Шота Руставели как народные гении. Другое известное противопоставление, Михаил Лермонтов – Николоз Бараташвили, было скомбинировано исходя из принадлежности эпохе и по типологическим признакам биографий и произведений.

В сопоставления преобразовывались и случаи личной дружбы/знакомства/идейной близости между грузинскими и русскими литераторами. Этим связям придавалась особо важная роль для осмысления литературных контактов конца XIX – начала XX в. В этом ключе можно назвать отношения Николая Чернышевского и Ильи Чавчавадзе, дружбу Паоло Яшвили и братьев Табидзе – Галактиона и Тициана – с Борисом Пастернаком. На основе переводческой деятельности сопоставлялись Николай Заболоцкий и Симон Чиковани, на основе дружбы и литературной деятельности – Николай Тихонов и Георгий Леонидзе, братья Чиладзе – Отар и Та-

маз – и Белла Ахмадулина.

Принцип парного сопоставления не является случайностью. Он отражает специфически имперскую природу советского литературного дискурса: культура периферии осмысливается только через призму центра. К такому выводу приходит и Заза Абзианидзе – он говорит о подобных парах как о списке, который «можно продолжать до бесконечности» (Абзианидзе, 2008, 490).

Парная структура была мной замечена и в изобразительном искусстве. В качестве примера можно привести одну почтовую марку советского времени, на которой изображен памятник грузинскому романтику Николозу Бараташвили. Его силуэт, одежда, кудрявые волосы наталкивают на ассоциацию с памятником А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге на площади Искусств.

Можно добавить, что риторика слова и риторика образа русско-грузинских литературных «пар» обретает мифологическую глубину и делает очевидной (обнаруживает) эмоциональную гармонию двух наций: с одной стороны, конкретизируя дружбу народов на примере индивидов, с другой – подчеркивая тем самым аффективную связь между русскими и грузинскими культурами по принципу представления поэта как метонимии своего народа.

Переводы

Обширный советский переводческий проект был инициирован убежденным в «единстве общечеловеческих чувств» (Муратова, 1958, 51), т. е. в универсализме человеческого опыта, Максимом Горьким. Он считал, что литература как выражение этого опыта принципиально переводима. Более того, как уже отмечалось, по убеждению Горького, переводы литературных произведений нужны были для сближения народов, не только внутри СССР, но и в мировом масштабе, для формирования «мировой литературы», которая в конечном счете должна была предшествовать образованию «интернационала духа» (ср.: Khotimsky, 2013, 138).

Убеждение Горького подтолкнуло к процессу подготовки широкого круга переводчиков. В первые годы после революции их профессиональная подготовка была поставлена на поток (Муратова, 1958, 52; Khotimsky, 2013, 130, 144–150) и обеспечена относительно солидными финансовыми ресурсами. В течение всего советского периода профессия оставалась престижной (Gould, 2012, 405) и нередко предоставляла писателям разных поколений, произведения которых не могли быть напечатаны, возможность заработать средства к существованию (Заболоцкий, Пастернак, Цветаева, Тарковский и др., ср.: Khotimsky, 2013, 130, 132). Усилия культурной политики в области переводов вели к тому, что со-

ветская индустрия переводов являлась крупнейшей в мире (Гудков, Дубин, 2009, 189), чем нередко славились деятели литературного интернационализма (Khotimsky, 2013, 139, 151). Важно обратить внимание на то, что в первую очередь переводились книги с русского языка на языки народов СССР и социалистических стран и наоборот. Грузинская же литература занимала не последнее место (Модебадзе, 2014, 262), а считалась особенно важной составляющей литературного пространства.

В Грузии была образована ставшая известной в советские времена Главная коллегия по художественному переводу и взаимосвязям между литературами (возглавлял ее Отар Нодия). В Коллегии работали переводчики со всех кавказских языков. В журнале «Кавкасиони», выходившем при Коллегии, публиковалось большое количество переведенных произведений.

Зачастую так складывалось, что в художественной прозе, а более того – в поэзии комбинировался взаимоперевод – также по парному принципу: известный русский писатель переводил известного грузинского писателя. Самый убедительный пример тому: Пастернак и Тициан Табидзе, отношения которых стали символизировать русско-грузинскую литературную дружбу (Абзианидзе, 2008, 488). Теневой стороной переводческого процесса, оставшейся вне поля зрения любителей литературы, являлось то, что русские поэты часто не знали грузинского языка и нуждались в под-

держке (в отличие от грузинских коллег, которые, «естественно», все знали русский). Профессиональные переводчики, имена которых, правда, нигде не появлялись, подготавливали русским поэтам подстрочники (Абзианидзе, 2013; Witt, 2011), что являлось особенностью советского переводческого процесса, о неожиданных побочных эффектах которого – появлении «переводов» раньше публикации самих «оригиналов» произведений – пишет Чингиз Гусейнов (2014, 205). Далее подстрочники обсуждались поэтами-переводчиками с экспертами и самими грузинскими литераторами. Таким образом, советская литература казалась диалогом на вершинах Парнаса. Возникло впечатление, что поэты-переводчики занимались герменевтикой национально-го духа, внедряясь с помощью «чужих» (т. е. грузинских) элит (коллег-поэтов или литературоведов, историков культуры и т. д.) в другую культуру.

Литературоведение: кадры, темы и методы

В производстве и распределении не только литературного знания, но вообще в когнитивном моделировании народов, наряду с переводами, весьма важную роль играло (и продолжает играть) литературоведение, в частности сравнительное¹⁵. Для советского времени в литературоведческом про-

¹⁵ Грузино-русские связи в филологических дисциплинах были тесны и в классической филологии, и в индоевропейской лингвистике. Ученые старались осветить общую историю геополитического региона между Черным и Каспийским

цессе также сугубо важно отношение центр – периферия. На начальном этапе формирования сравнительного литературоведения в Грузии (имеется в виду сравнение русской и грузинской литератур) ведущими были филологи, получившие хотя бы часть образования в Москве или Ленинграде (Чхаидзе, 2015, 98–100). Там они освоили базовые знания и принципы формирования дисциплины, описанной Александром Михайловым как «пространство, середину которого занимает идеология» (Michailov, 1996, 376). Однако, какими бы парадоксальными ни были последствия традиционного идеологического контроля и литературоцентричности, они отразились на исследовании литературы и привели к тому, что профессиональные читатели-литературоведы, а также интеллигенция, которая привыкла к двойным кодам (Гудков, Дубин, 2009, 201), вопреки правилам научного дискурса, искали в литературоведческих текстах двойное дно и эзопов язык (Komaromi, 2015, 13). В некоторых случаях литературоведы сигнализировали читателю о скрываемой информации красноречивым молчанием, а порой живо играли потенциалом многозначности, тем самым постоянно испытывая границы идеологически допустимого (см. статью Филиной в наст. издании).

В Грузии, как и во всем СССР, исследования, лежавшие морями и реконструировать предысторию греческой Античности. Свидетельством этому может служить, например, труд Т. В. Гамкредидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984). По практическим причинам эта ветвь тематики здесь далее не исследуется.

в области литературных взаимосвязей (связи русских классиков – Пушкин, Горький, Маяковский – с Грузией), были скрепой, удостоверяющей культурную спаянность. Это послужило причиной того, что исследования такого рода обретали характер центральных гуманитарных дисциплин (см.: Чхаидзе, 2015).

При этом для преобладающего послевоенного советского литературоведческого направления характерно теоретическое обращение к гегельянству Виссариона Белинского, которому в конкретной методологии противостоят позитивистские подходы: сбор фактов и описание произведений, их идеологически «правильное» толкование – чаще литературно-историческое, сопоставительное, типологическое, реже – теоретическое¹⁶. Такие подходы были социально и институционально легитимированными способами производства знания. Отклонения от них влекли за собой негативные санкции в адрес ученых (Соколов, Титаев, 2013, 253).

Еще одним важным моментом является вопрос устойчивости знаний при циркуляции их между центром и перифериями. Повторяли ли грузинские литературоведы и их труды «московское знание», или же грузинские исследователи пе-

¹⁶ Из этого правила есть знаменитые исключения, например работы Михаила Бахтина или институционально значительно лучше обеспеченный московский структурализм и тартуская школа семиотики. Это самые значимые и экспортоспособные течения советской филологии, тем не менее (или поэтому?) маргинализированные внутри самой страны явления, а в тартуском случае – и не случайно локализованные на периферии государства.

реступили в своих трудах рамки, поставленные центром, тем самым предложив параллельный мир знания? Потому что, как было сказано выше, ученые, сформировавшие в Грузии направление исследования русско-грузинских литературных связей, получили свое образование в ведущих вузах центра, т. е. прежде всего в Москве и Ленинграде. По моим предположениям, грузинский язык, являющийся, наряду с русским, языком обучения, мог допустить возможность отклонения от канонического толкования литературы в русском тексте¹⁷.

В период ослабления цензуры «периферия» в лице Грузии переняла функцию культурного центра – студенты узнавали о творчестве (полу)запрещенных русских писателей. Следует в этом контексте упомянуть еще об одной инициативе – журнале «Литературная Грузия», в котором активно печатали русские переводы украинских, эстонских и других авторов (Абзианидзе, 2008, 5, 24), а также полузапрещенных в СССР авторов. Важная роль «моста» между литературными мирами Грузии и России принадлежала особо почитаемому критику, литературоведу и переводчику Георгию Маргвелашвили, который по окончании Литинститута им. М. Горького вернулся в Грузию. На протяжении долгих лет он являлся членом редколлегии журнала и знакомил с грузинскими поэтами и писателями всесоюзную аудиторию, ко-

¹⁷ Первые исследования, проведенные нами совместно с грузинской коллегой Белой Ципурия с целью определения характера грузинского обучения русской литературе, остались без четких выводов. Стоило бы подробнее проанализировать грузинские издания раннего периода.

торая жадно читала «Литературную Грузию», ища в публикуемых там произведениях «спрятанное» политически релевантное знание.

Постсоветский период

Новые векторы развития в период национальной независимости

С начала перестройки вся система литературы и знания о ней изменились. Еще до реорганизации литератур по линиям национальных государств представления интеллигенции о собственной, якобы важной роли посредника между народом и «правдой» становились все больше анахронизмами (ср.: Яковенко, 2013, 301).

Ученые, которые раньше могли рассчитывать при соблюдении правил советского научного сообщества (Гудков, Дубин, 2009, 191) на скромное, но обеспеченное социальное положение, вдруг столкнулись с угрозой потери статуса (Гапова, 2011, 292) и с новыми требованиями. Польза науки переосмысливалась или же вообще ставилась под сомнение. Резко изменилось распределение интересов и приоритетов в сфере науки: гуманитарные (объясняющие) дисциплины потеряли престиж в пользу экономики, права и других более практически-прикладных наук. Научные темы теперь уже не

инициировались административным путем (Яковенко, 2013, 301).

А еще примечательнее стало то, что истинность знаний начала определяться разными конкурирующими мерами (Гапова, 2011, 292). Старая модель ее определения была вынуждена сосуществовать с новой, причем центры-источники получения знаний передвинулись.

В постсоветский период на первый план начало выходить ранее табуированное западное знание, известное сначала весьма узкому кругу исследователей. В 1990-х гг. обладающие упомянутыми знаниями смогли их капитализировать (Там же, 303). Лица, которые до распада СССР имели доступ к международному рынку науки и успели выучить западные языки, теперь сделали карьеру. К ним присоединились новые молодые элиты, получившие образование за рубежом, освоившие западные языковые, культурные и методологические навыки. После возвращения из-за границы – хотя многие вообще остались за рубежом – обе группы ученых (старая и новая) стали существовать в параллельных мирах (Там же, 304), публиковаться в разных журналах, доверять разным типам академического сертифицирования. Обе группы даже стали по-разному отвечать на вопрос о сущности знания и науки (Там же, 305).

На сегодняшний день во многих постсоциалистических странах обозначенная раздвоенность проявляется и в параллельно существующих академических институтах, а имен-

но новооснованных университетах, которые конкурируют со старыми. Новые университеты, как правило, указывают на свою интернациональную/международную (имеется в виду: западную) учебно-исследовательскую программу. К ним относятся: Киево-Могилянская академия, Европейские университеты в Санкт-Петербурге и Минске, ныне в Вильнюсе и, конечно, Университет им. Ильи Чавчавадзе в Тбилиси.

Изучение русской и грузинской литератур в сравнительном ключе, что образовывало ранее скрепу гуманитарных дисциплин в Грузии, подверглось большим изменениям. Из само собой разумеющейся релевантной академической дисциплины, поддерживавшейся государственным порядком, оно превратилось в маргинальную научную область, вынужденную обороняться. При изменившихся обстоятельствах его политическая вовлеченность обрела иную окраску. То, что в советское время было приоритетом, подверглось переоценке. Межнациональные отношения с Россией могли восприниматься как враждебный имперский проект (правда, это ощущение существовало и раньше, но было скрыто или закамуфлировано идеологическим давлением или мифом о дружбе народов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.